

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ – 41

15 июня 2006 г. в Институте иностранных языков состоялось очередное заседание научного семинара «Филологические чтения». Группа исследователей (к. филол. н. Д.С. Гапеков и к. филол. н. Т.А. Майсак) представила вниманию участников семинара доклад «Удинский язык в переходный период». Доклад подготавлен на основе материалов исследования, проведенного в рамках одного из научных направлений, разрабатываемых Российской академией лингвистических наук, – «Документация удинского языка», осуществляющегося при финансовой поддержке РАЛН.

Удинский язык в переходный период

Доклад посвящен общему обзору истории и современного состояния удинского языка – языка удин, одного из коренных народов Кавказа. Этот язык принадлежит к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи, занимая в ней периферийное положение – это означает, что он первым отделился от пралезгинского языка, причем произошло это, по разным оценкам, от 3 до 3,5 тыс. лет назад.

В первой части доклада Т.А. Майсак обратился к истории самих удин, а также упомянул основные проблемы, связанные с миграционными процессами последних лет. Удины (их самоназвание – уди) исключительно проживали в Закавказье, при этом на протяжении веков территории их проживания неуклонно сокращалась. К концу XIX в. удины сконцентрировались в двух крупных селах на севере Азербайджана — Варташене и Нидже, а общая их численность оценивалась в 4 тыс. человек. В начале 1920-х гг. вследствие межнациональных конфликтов часть варташенских удин бежала в Грузию и обосновались в с. Зинобиани (позже переименованном в Октомбери, ныне снова с. Зинобиани). По данным переписи 1989 г., численность удин в СССР оценивалась в 7971 человека, из них 6125 человек в этот период жили в Азербайджане, 93 человека — в Грузии, значительная часть удин проживала также в Казахстане и на Украине. Однако в конце 1980-х гг. вследствие армяно-азербайджанского конфликта началось массовое переселение удин (традиционно исповедовавших христианство) из мест исконного проживания. Подавляющее большинство удин покинули Варташен и переселились частично в Нидж, частично в различные районы России и других республик СССР. Все последующие годы продолжался и отток населения из Ниджа (в особенности молодежи), не прекращающийся и поныне.

В настоящее время в районном центре Варташен (переименованном в Огуз) остается не более 20 удинских семей, еще около 50 семей проживают в с. Зинобиани Кварельского района Грузии. Основным местом компактного проживания удин является Нидж — один из крупнейших населенных пунктов Габалинского района Азербайджана, где живет порядка 3,5–4 тыс. удин. При этом за пределами исконной территории — в России и других странах бывшего СССР — сейчас, возможно, проживает даже большее их число: так, по данным последней переписи населения, в 2002 г. в

России проживал 3721 удин, причем доля городского населения составляла около 61 % (2078 человек). Наиболее многочисленные группы удин имеются в настоящее время на юге России — в Ростовской области. Краснодарском и Ставропольском краях, а также в городах Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Саратов, Пятигорск, Минеральные Воды и др. При этом отметим, что ниджская и варташенская диаспоры, как правило, проживают раздельно и не очень тесно общаются друг с другом.

Удины в подавляющем большинстве многоязычны: в Азербайджане, как правило, все они знают по меньшей мере три языка — удинский, азербайджанский и русский, в Грузии — удинский и грузинский (частично также русский). Удины, живущие в России, говорят и по-удински, и по-русски, однако во многих семьях дети, родившиеся в России, уже почти не владеют удинским языком.

Непростая ситуация сложилась и с письменностью на удинском языке. Интересно отметить тот факт, что исторически удинский был первым языком нахско-дагестанской семьи, получившим письменность. Как известно, удины были одним из народов, населявших Кавказскую Албанию (Агванию) — крупное государство, существовавшее в IV в. до н.э. — VIII в. н.э. на территории нынешнего Азербайджана (и южной части Дагестана). В IV в. албанский царь Урнайр принял крещение, христианство стало государственной религией, и через некоторое время для языка одного из албанских племен был изобретен особый алфавит (известный как «агванский» или «калбанский»), содержащий 52 буквы. На агванский язык были переведены важнейшие библейские тексты, однако впоследствии, в связи с политическим ослаблением Албании и подчинением Албанского католикосата Армянской Церкви (примерно с VIII в.), агванское письмо постепенно вышло из употребления. Почти все агванские письменные памятники были утрачены, и только в 1930-е гг. в одной из армянских рукописей был обнаружен полный агванский алфавит, а затем и несколько кратких надписей, с трудом поддававшихся дешифровке. Гипотеза о том, что агванский язык представлял собой древнее состояние удинского языка, получила окончательное подтверждение в середине 1990-х гг., когда грузинский ученый Заза Алексидзе обнаружил в монастыре Св. Екатерины на Синае грузинско-ал-

банская палимпсест VIII в., содержащий около 100 страниц текста на агванском языке. Этот текст – «лекционный», сборник литургических чтений, главным образом из Нового Завета – к настоящему времени практически полностью прочитан и готовится его издание, причем язык лекционария квалифицируется исследователями – З. Алексидзе, Й. Гиппертом и В. Шульце – именно как древнеудинский.

Тем не менее на протяжении многих веков удинский язык оставался бесписьменным, несмотря на ряд попыток создания письменности в конце XIX–начале XX в. Лишь в начале 1990-х гг. Ю. Айдынов и Г. Кечаари предложили принять в качестве удинского алфавита тот способ записи, который был использован в «Удинско-азербайджанско-русском словаре» В.Л. Гукасяна (изданном в Баку в 1974 г.). В этом словаре была использована транскрипция на основе кириллицы, причем, как и в других нахско-дагестанских языках, для записи особых звуков применялись двухбуквенные сочетания – например, Гъ, Хъ и Къ для увулярных согласных, Аъ, Оъ, Еъ и пр. для фарингализованных гласных и т.п., а непридыхательные смычные и аффрикаты обозначались при помощи «палочки» (ср. ПІ, ТІ, КІ, ЦІ, ЧІ). Именно в данном варианте удинской графики в 1996 г. был опубликован сборник стихов и рассказов «Нана очъал», составленный Георгием Кечаари, писателем и школьным учителем из с. Нидж. Однако вскоре в связи с переводом азербайджанского алфавита на латиницу был изменен и удинский алфавит – большинство звуков были переданы азербайджанскими буквами, однако наряду с ними были сохранены кириллические знаки типа «ъ», «ъ» и «ц»). В последние годы разработчик этого нового алфавита Г. Кечаари выпустил удинский букварь и несколько сборников фольклорных произведений и переводов на удинском языке. В с. Нидж удинский язык был также включен в школьную программу младших классов. Тем не менее использование письменности носит все еще весьма ограниченный характер, и если не считать публикаций Г. Кечаари, она мало знакома самим удинам. Кроме того, многие из живущих в России удин склонны, по понятным причинам, считать более удобным кириллический вариант алфавита. Что же касается с. Зинобиани, то, по имеющимся данным, в 1–4 классах школы там также имеются уроки удинского языка, при этом используется грузинская графика.

Вторая часть доклада, представленная Д.С. Ганенковым, была посвящена целям и задачам проекта «Документация удинского языка», осуществляемого докладчиками, при частичной финансовой поддержке Российской академии лингвистических наук. Кроме того, Д.С. Ганенков подробно остановился на характеристике современного состояния удинского языка. Одной из важнейших своих задач современная

лингвистика видит документацию, т.е. максимально полную фиксацию современного состояния того или иного языка, в связи с тем, что, по некоторым прогнозам, к концу XXI в. из существующих ныне языков выживет лишь одна треть. Из всего вышесказанного о современном социолингвистическом положении удинского языка ясно, что этот язык относится к категории языков, находящихся под угрозой исчезновения. Нет нужды говорить, что дисперсное расселение удин по десяткам (или даже сотням) населенных пунктов на огромной территории бывшего СССР не может способствовать сохранению удинского языка в ближайшие десятилетия. Поэтому документация его нынешнего состояния продолжает оставаться первоочередной задачей.

В связи с проблемой документации удинского языка можно отметить, что некоторые аспекты удинского языка документированы относительно неплохо – речь идет, прежде всего, о грамматических описаниях (это грамматика А. Шифнера 1863 г.; грамматика А. Дирра 1904 г.; грамматики В. Панчвидзе и Е. Джейранишвили на грузинском языке; недавно опубликованная монография Э. Харрис, посвященная отдельным аспектам удинской грамматики; готовящаяся к печати «Функциональная грамматика удинского языка» В. Шульце) и словаре («Удинско-азербайджанско-русский словарь» В. Гукасяна). Эти две области в настоящий момент можно считать достаточно документированными. Что касается текстов, то именно здесь, без сомнения, предстоит большая работа. В течение 1990-х гг. Г. Кечаари выпустил серию брошюр, в которых были опубликованы тексты различных жанров на удинском языке. Казалось бы, и этот аспект отражен в достаточной мере. Тем не менее после начала работы авторов данного исследования с удинским материалом выяснилось, что в опубликованных текстах отсутствует целый ряд грамматических форм и конструкций. Это было связано с сознательной установкой составителя брошюр Г. Кечаари на создание кодифицированного варианта удинского языка, в результате чего некоторые формы при написании текстов не употреблялись как «нелитературные». Кроме того, опубликованные Г. Кечаари тексты не снабжены переводом на русский или какой-либо иной язык, а значит, и недоступны для лингвистического анализа лингвистам, не владеющим достаточно хорошо удинским языком. Именно поэтому в рамках проекта «Документация удинского языка» исследовательская группа ставит перед собой три основные задачи: 1) аудиозапись устных спонтанных текстов различных жанров; 2) расшифровка и перевод записанных текстов; 3) грамматический анализ удинских текстов. Итогом работы станет корпус удинских текстов, представленный в стандартном для современных лингвистических исследований формате (строка транскрипции, строка поморфемного разбора, строка

перевода). К настоящему времени в рамках работы по документации удинского языка авторами доклада были осуществлены экспедиционные поездки в с. Дубовый Овраг Волгоградской области, где проживает около 30 семей удин, переселившихся из Ниджа (октябрь 2002 г., ноябрь 2003 г., март 2004 г.) и с. Нидж Габалинского района Республики Азербайджан (ноябрь 2004 г., март 2006 г.).

В качестве промежуточного результата работы по документации были опубликованы некоторые избранные удинские тексты, еще часть текстов находится в печати. Во-первых, это несколько удинских песен, записанных авторами доклада в с. Дубовый Овраг, которые были изданы ранее с грамматическим разбором и лингвистическим комментарием (Пять удинских песен: тексты, морфологический разбор, комментарии // Кавказоведение. 2005. № 9. С. 83–98). Во-вторых, для сборника «Малые языки и традиции» под редакцией А.Е. Кибрика и М.А. Даниэля подготовлена публикация нескольких удинских текстов, записанных в марте 2006 г. непосредственно в с. Нидж Габалинского района Республики Азербайджан. Кроме того, следует отметить, что с 2004 г. докладчики поддерживают созданный ими сайт <http://udilang.narod.ru>, на котором размещаются различные материалы по удинскому языку, в том числе тексты на удинском языке.

В заключение доклада была дана краткая характеристика удинского языка: диалектное членение (nidжский и варташено-октомберийский диалекты), история языковых контактов, сегментная фонетика (вокализм и консонантизм), просодические признаки (акцент и фарингализация), именное словоизменение (отсутствие двухосновного склонения, характерного для большинства нахско-дагестанских языков; падежный инвентарь; употребительность лишь тех падежей, которые имеют прямые соответствия в азербайджанском), глагольная морфология (незначительное количество простых глаголов при преобладании сложных глаголов структуры «неспрягаемая часть + служебный глагол»; инвентарь основных глагольных форм; отсутствие аналитических форм, характерных для нахско-дагестанских языков) и сведения о базовом синтаксисе (эрративность, отсутствие отдельного класса экспериенциальных предикатов, более подробно — типологически уникальное явление эндоклитик, т.е. клитик, внедряемых внутрь(!) глагольного корня (подробнее об этом см. [8]).

Важно отметить, что доклад сопровождался демонстрацией документального видеофильма, снятого исследовательской группой во время научной экспедиции в с. Нидж в 2006 г., а также прослушиванием аудиозаписи устной речи носителей удинского языка.

В развернувшейся после доклада дискуссии были заданы многочисленные вопросы и прозвучали комментарии к докладу. В частности, историк Зураб Кананчев, отметив желательность (необходимость)

проведения сравнительного анализаnidжского и варташено-диалектов удинского языка, задал вопрос, проводился ли докладчиками такой анализ, в частности, в области лексического состава исследуемых диалектов. Д.С. Ганенков ответил, что план дальнейшей работы предусматривает в будущем изучение варташено-диалекта, но пока этот диалект не изучается. А.Г. Грек, д. филол. н., преподаватель русского языка ИИЯ, попросила уточнить, какие типы текстов привлекались в качестве материала исследования. Докладчик пояснил, что это были, в основном, устные рассказы носителей языка на обиходно-бытовые темы: о себе, о случаях, произошедших с рассказчиком или же его односельчанами, о священных местах в их селе, об обычаях и традициях, связанных с проведением свадьбы или приготовлением национальных блюд. Иногда также записывались сказки или песни. В.Ю. Михальченко, д. филол. н., и исследователь кавказских языков Жиль Отье (Париж) задали взаимосвязанные вопросы: спровождается ли рост численности удин ростом количества говорящих на удинском языке и говорят ли дети в России по-удински. Отвечая на эти вопросы, Д.С. Ганенков отметил, что число говорящих скорее всего не увеличивается в связи с тем, что сами темпы роста населения не так высоки, а в связи с переездом многих удин в Россию происходит частичная утрата языка, и это касается как раз детей. Завершая дискуссию по докладу, Э.Ф. Володарская, президент РАЛН, ректор ИИЯ, высказала пожелание в адрес исследователей обратить внимание на особенности удинского языка с позиции теории «языковых союзов», т.е. с точки зрения взаимодействия с соседними языками.

Литература

1. Бежанов С., Бежанов М. Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. Тифлис, 1902.
2. Гукасян В.А. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
3. Джейранишвили Е.Ф. Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. (На груз. яз.)
4. Дирр А. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1904.
5. Панчвидзе В.Н. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. (На груз. яз.)
6. Удины: источники и новые материалы — Сост. И.В. Кузнецова. Краснодар, 1999.
7. Aleksidze Z., Gippert J., Mahé J.-P., Schulze W. The Caucasian Albanian (Old Udi) Palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation (to appear).
8. Harris A. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford, 2002.
9. Schulze W. Die Sprache der Uden in Nordazerbajdzan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden, 1982.
10. Schulze W. The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance. Munich; Newcastle, 2001.
11. Schulze W. A Functional Grammar of Udi (to appear 2007).